Ганс Христиан Андерсен

Старая могильная плита

Все домашние одного почтенного горожанина, имевшего в маленьком провинциальном городке собственный дом, собрались вечером в кружок и вели приятную беседу. Дело было как раз в ту пору года, когда, по поговорке, вечера выпячиваются, но погода стояла еще мягкая и теплая. В комнате горела лампа, длинные оконные занавеси спускались до самого пола, закрывая собою стоявшие на окнах цветы. На дворе ярко сиял месяц, но разговор шел не о нем, а о большом старом камне, что лежал во дворе у самого кухонного порога; на него опрокидывала прислуга вычищенную медную посуду, чтобы она пообсохла на солнышке, на нем любили играть и ребятишки, по-настоящему же камень был старою могильною плитой.

— Я думаю, — сказал хозяин дома, — что она со старого монастырского кладбища. Когда монастырь упразднили, все пошло в продажу — и кафедры, и доски с эпитафиями, и могильные плиты. Покойный отец мой купил много таких плит; их разбивали в мелкие куски и мостили ими улицу, а эта вот уцелела, да так и осталась лежать на дворе.

— Ведь сразу видно, что это могильная плита! — сказал старший из детей. — На ней еще можно разглядеть песочные часы и часть фигуры ангела; зато надпись почти совсем стерлась, и можно разобрать только имя Пребен, затем большую букву С, а пониже имя Марта, да и то лишь после дождя или после того, как плиту хорошенько вымоют.

— Ах, Господи! Так это плита с могилы Пребена Сване и его жены! — сказал один старичок, который по годам мог быть дедушкой всех присутствовавших в комнате. — Да, они чуть ли не последними были погребены на старом монастырском кладбище. Славные, почтенные были старички! Я помню их еще с детских лет. Все в городе знали и любили их; они были у нас тут старейшею супружескою четой — королем с королевой. Говорили, будто у них сундуки ломятся от золота, а они одевались всегда так просто, в платье из самой грубой материи, и только белье на них всегда отличалось ослепительною белизной. Славною парочкой были старички Пребен и Марта! Любо было посмотреть на них, когда они, бывало, сидят под тенью старой липы на скамеечке, стоявшей на площадке высокой каменной лестницы их дома, и так ласково, приветливо кивают всем прохожим! Они делали много добра, и делали его с толком и по-христиански: кормили и одевали десятки честных бедняков.

Первою умерла жена. Я так живо помню этот день! Я был тогда еще мальчуганом, и мы с отцом зашли к старому Пребену как раз в самый день ее смерти. Старик был в таком горе, плакал, как ребенок. Тело умершей лежало в спальне, рядом с той комнатой, где мы сидели. Кроме нас с отцом пришли еще двое-трое соседей, и старик стал говорить нам о том, как пусто, одиноко будет теперь в доме, — она ведь была душою его, — как счастливо жили они с нею столько лет, а потом перешел к воспоминаниям о том времени, когда они только что познакомились и полюбили друг друга... Я, как сказано, был тогда еще очень мал, но все же слушал с большим вниманием, смешанным с каким-то удивлением. И немудрено: старик с таким жаром рассказывал о блаженных днях помолвки, о красоте своей невесты, о том, к каким невинным хитростям он прибегал, чтобы встретить ее, и лицо его оживлялось все больше и больше, щеки зарумянились! Затем он стал рассказывать о свадьбе, и глаза его заблистали еще ярче. Он словно опять переживал счастливейшие годы своей жизни... А подруга-то его уже лежала в это время в соседней комнате мертвая, и сам он был дряхлым-дряхлым стариком!..

Да, так-то оно бывает на свете! Вот и я в те времена был мальчуганом, а теперь — такой же старик, каким помню Пребена Сване! Время идет, и все на свете понемножку изменяется!.. Я так живо помню день похорон старушки! Пребен шел за гробом. Еще года за два до того старички заказали себе могильную плиту; на ней были уже вырезаны и надпись, и имена, недоставало только года

смерти. Вечером, в тот же день, плиту свезли на кладбище и положили на могилу старушки. Через год плиту приподняли — старик Пребен лег рядом с женою.
После них не осталось никаких богатств, о которых болтали люди. То же, что осталось, отошло к какой-то дальней родне, про которую тут ничего и не знали. Домик старичков, со скамеечкой на площадке лестницы, под тенью липы, был снесен по распоряжению магистрата — больно уж он был ветхим. Позже, когда пришел в ветхость и старый монастырь, кладбище упразднили, и могильная плита Пребена и Марты пошла в продажу вместе со всем остальным. Ну и случилось вот ей уцелеть! Теперь на ней играют дети, а прислуга сушит кухонную посуду! Новая же улица идет как раз над местом вечного успокоения старого Пребена и его супруги. И никто больше и не вспомнит их!..
Тут старик рассказчик грустно покачал головой.
— Забыты! Все на свете предается забвению! — добавил он.
Разговор перешел на другое, но самый младший мальчик, с большими серьезными глазами, вскарабкался на стул, откинул занавеси и стал смотреть на двор, где лежала вся облитая ясным лунным светом большая каменная плита. Прежде она казалась ему простым гладким камнем, теперь же стала для него как бы страницею, вырванною из старой хроники. Старый камень хранил в себе все, что слышал сейчас мальчик о Пребене и Марте. И мальчуган смотрел на него, смотрел на ясный, светлый месяц, на чистый прозрачный воздух, и ему казалось, что с месяца смотрит на землю лик самого Творца.
— Забыты! Все на свете предается забвению! — раздалось в комнате, и в ту же минуту незримый ангел поцеловал ребенка в грудь и в лоб и тихо прошептал: «Сохрани в душе зароненные туда семена. Храни их, пока они не созреют. Знай, дитя, что благодаря тебе стертая надпись старой могильной плиты вновь засияет перед грядущими поколениями золотыми буквами! Старые супруги опять побредут рука об руку по улице, опять будут сидеть на скамеечке под тенью липы, такие же бодрые, свежие, с румянцем на щеках, и ласково кивать головою и бедному, и богатому. Пройдут годы, и зароненные в твою душу семена взойдут поэтическим творением. Доброе и прекрасное не предается забвению, но вечно живет в преданиях и песнях!»